

Дома не было телевизора или чего-то для развлечения, поэтому они рано легли на кан. Тёплый кан грел, было очень уютно, но один долго пролежал в больнице, другой весь день спал — никто не мог уснуть.

Но никто не знал, что сказать друг другу.

Наконец Сюэ Динъюань услышал, как Чу Хуншэн сухо спросил:

— Какие у тебя планы на будущее?

С того как очнулся, Сюэ Динъюань много думал о планах, но всё упиралось в самое реальное:

— Сначала заработать деньги.

Только с деньгами можно будет отблагодарить Чу Хуншэна, сделать себе операцию и попытаться найти своих родных родителей.

— Куда собираешься работать? — спросил Чу Хуншэн.

— А ты? — Сюэ Динъюань не ответил, а задал встречный вопрос.

Чу Хуншэн задумался:

— В провинциальный город.

— Тогда я тоже туда поеду.

Там возможностей больше, чем в уездном городе. И главное, он чувствовал, что Чу Хуншэн хочет с ним расквитаться. Если он не будет за ним ходить, то, скорее всего, не сможет отдать долг.

И действительно, в голосе Чу Хуншэна слышалось недовольство:

— Как хочешь!

Потом оба молчали, не заметил, как Сюэ Динъюань уснул.

Так они кое-как прожили два дня.

Сюэ Динъюань правда не мог понять, что у этого подростка Чу Хуншэна в голове.

Скажешь, он меня презирает? Но раньше он столько сделал, чтобы меня спасти.

Скажешь, хочет подружиться? Но на лице всегда недовольное выражение.

Скажешь, хочет прогнать? Но каждый день работу у меня отнимает.

Скажешь, рад моему присутствию? Я сам заговорю — он и отвечать-то не хочет.

В общем, за эти дни у Сюэ Динъюаня было только одно чувство: неловко, правда неловко, слишком неловко!

Но ничего не поделаешь. Во-первых, он же должен деньги — деньги это ладно, главное, человеческий долг. Он помнил, как Чу Хуншэн ухаживал за ним, когда он был в коме.

Во-вторых... Чу Хуншэн намного его младше, он чувствовал, что должен его уступить.

И вот в такой стеснительной обстановке староста принёс им домовые книги.

Чу Хуншэн тут же потащил Сюэ Динъюаня делать удостоверение личности, что заставило Сюэ Динъюаня почувствовать себя крайне нежеланным.

Ведь он помнил, что Чу Хуншэн говорил: сделаем документы — и разойдёмся.

На самом деле он тоже не хотел быть назойливым. Если Чу Хуншэну неприятно его видеть, то в провинциальном городе можно оставить контакт для возврата денег, и не нужно будет постоянно висеть на нём. В конце концов, его цель не в том, чтобы прицепиться к богатому.

Поэтому Сюэ Динъюань пошёл за Чу Хуншэном, но они ещё из деревни не вышли, как Чжан Цуйлань их перегородила.

Она стояла с мрачным лицом, а Сюэ Динъюань и Чу Хуншэн прошли мимо, не глядя на неё. Взгляд Чжан Цуйлань стал ядовитым, словно ножи, упали на Сюэ Динъюаня:

— Ты, побью тебя громом, маленький ублюдок, остановись!

Сюэ Динъюань и не думал слушать Чжан Цуйлань, но Чу Хуншэн остановился, нахмурившись, злобно посмотрел на неё:

— Кого назвала?

Чжан Цуйлань испугалась его свирепого вида:

— Я не тебя называла.

Чу Хуншэн стал ещё злее:

— Сюэ Динъюаня тоже нельзя.

Чжан Цуйлань отступила на шаг, но всё ещё несла:

— Я со своим сыном разбираюсь, причём тут ты.

Сюэ Динъюань усмехнулся:

— Разве ты не обменяла меня на землю Чу Хуншэна? Так что между мной и тобой нет отношения, с ним есть.

Чжан Цуйлань, хотя в тот день была разорвана Сюэ Динъюанем в клочья, всё же не могла сразу изменить образ мыслей, ведь столько лет вела себя как хотела. И к тому же...

Чжан Цуйлань сплюнула:

— Думаешь, сможешь вырваться из моих рук? Я тебе говорю, шансов нет! Эту землю я не хочу, ты возвращайся домой, а потом спокойно иди на работу.

Она потянулась, чтобы схватить Сюэ Динъюаня, Сюэ Динъюань хотел оттолкнуть её руку, но не успел сделать это движение, как Чу Хуншэн схватил её за воротник:

— Ты решила, что меняешь, и всё? Сказала, что не меняешь — и не меняешь? Ты у моего мнения спрашивала?

Чжан Цуйлань всегда была тираном дома и трусливой перед сильными, перед Чу Хуншэном она не осмелилась хулиганить, начала ругать Сюэ Динъюаня:

— Ты, проклятый, не видишь, как этот хулиган с твоей матерью обращается? Ты ещё не поможешь, правда хочешь, чтобы жизнь коротка была?

Услышав это, Чу Хуншэн швырнул Чжан Цуйлань на землю:

— Если ещё раз проклянёшь Сюэ Динъюаня, я тебе рот порву!

Сюэ Динъюань казался совершенно равнодушным:

— Не менять? Ладно!

Только он это сказал, как Чу Хуншэн злобно посмотрел на него.

Но этот злобный вид Сюэ Динъюань не только не испугал, а наоборот показался немного милым... Это заставило Сюэ Динъюаня задуматься: «Не стал ли я мазохистом после издевательств Чжан Цуйлань в прошлой жизни?»

Но он быстро отверг эту мысль, потому что понял: считает Чу Хуншэна милым от того, что в том злобном выражении скрывалось немного жалкого, боящегося, что его бросят... взгляда...

Это сильно удовлетворило его тщеславие, ведь в последние дни он чувствовал, что его ненавидят.

Поэтому он сразу продолжил:

— Тогда возвращай землю Чу Хуншэну.

Чу Хуншэн, кажется, понял смысл Сюэ Динъюаня, но всё ещё злобно смотрел на Чжан Цуйлань, явно говоря: «Скажешь ещё слово — попробуй!»

Чжан Цуйлань правда не осмелилась.

Потому что она тоже поняла смысл Сюэ Динъюаня: даже если вернёт землю Чу Хуншэну, Сюэ Динъюань всё равно не даст ей себя командовать.

Поэтому она сразу встала с земли, фыркнула и ушла.

Сюэ Динъюань даже не взглянул на Чжан Цуйлань, сказал Чу Хуншэну:

— Пошли!

Они снова пошли в уездное отделение полиции делать удостоверение.

Они по-прежнему молчали. Когда Сюэ Динъюань снова почувствовал неловкость, он наконец услышал, как Чу Хуншэн открыл рот:

— Если она вернёт землю, ты правда вернёшься?

Сюэ Динъюань улыбнулся:

— Конечно нет, я же с тобой в провинциальный город на работу поеду.

Он только это сказал, как Чу Хуншэн ускорил шаг, ушёл вперёд и сказал:

— В провинциальном городе у каждого своя дорога, у каждого свой мост, будем как чужие!

Хотя не первый раз слышал это от Чу Хуншэна, чувство, что его отвергают, всё же... Ладно, может, Чу Хуншэн потерял родителей, у него нет чувства безопасности, он боится снова потерять что-то?

В общем он знал, что Чу Хуншэн — это просто подросток, который говорит не то, что думает. Судя по поведению только что, он не верил, что Чу Хуншэн правда хочет с ним разорвать отношения, поэтому снова быстрым шагом догнал.

Догнав Чу Хуншэна, Сюэ Динъюань подшутил над ним:

— Надо было по её словам забрать землю!

Но Чу Хуншэн вдруг остановился, посмотрел на него и сказал по слогам:

— Поменял — значит поменял!

Сюэ Динъюань понял смысл Чу Хуншэна: даже если Чжан Цуйлань правда захочет вернуть землю, Чу Хуншэн не возьмёт, только так можно с полным правом дать ему свободу.

Сюэ Динъюань снова был тронут — хотя Чу Хуншэн всё ещё не давал ему хорошего лица.

Но на самом деле это было намного лучше, чем сладкие слова!

С тех пор как оказался рядом с Чу Хуншэном, Сюэ Динъюань всё лучше научился себя утешать.

Но вообще Сюэ Динъюань немного удивлялся: разве в тот день с Чжан Цуйлань не сказал ясно? Почему сегодня ещё пришла искать унижения?

Хотя внешние раны зажили, ничего не видно, но Чжан Цуйлань знала, что у него больное сердце. Неужели не боится, что он пойдёт работать, пару дней и умрёт, и тогда на землю Чу Хуншэна не выйдет?

Этот вопрос получил ответ, когда они добрались до полицейского управления.

У входа они встретили сына старосты, Чжан Гуанпэна, который, увидев знакомых, помог им и повёл делать удостоверение личности.

Автор: Чу Хуншэн: (гладко) Ты говоришь, что у нас есть отношения, кто я тебе такой, а?

Сюэ Динъюань: (без выражения) Муж!

<http://bllate.org/book/16745/1561603>